2422

220.

комуунизмъ и христіанская любовь.

Вси же впровавши бяху вкупь, и имяху вся обща: и стяжанія и имьнія продаяху, и раздаяху всьмъ, егоже аще кто требоваще... Народу же впровавшему бъ сердие и душа едина: и ни единъ же ито отъ имьній своихъ маголаше свое быти, но бяху имъ вся обща... Не бяще бо ницъ ни единъ въ нихъ: елины бо господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цъны продаемыхъ, и полагаху при ногахъ Апостолъ: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваще (Дъян. апост. гл. 2, ст. 44 и 45; гл. 4, ст. 32, 34 и 35).

Ka69: Communauté c'est christianisme.

I.

ыписанныя мёста изъ книги Дёяній апостольскихъ кратко изображаютъ предъ нами картину жизни первенствующихъ христіанъ.

По внѣшнему виду это быль тѣсный кружокъ мужей галилейскихъ, которыхъ всѣ знали (Дѣян. 2, 7). Но по внутреннему характеру, — по присущей и видимо дѣйствующей благодати Божіей, — это было новое, зараждавшееся общество, доселѣ неслыхапное и невиданное ни у іудеевъ, ни у язычниковъ, — чудное и необыкновенное, полное силы и духа. Окружавшіе это общество изумлялись чудесамъ Апостоловъ, дивились дерзновенной рѣчи этихъ «пекнижныхъ и простыхъ людей»; — но болѣе всего дивились простотѣ нрава и братской любви этого общества. Братская любовь, выражавшаяся въ общеніи, не въ молитвахъ только и не въ ученіи, но и въ жизни 2, глубоко лежала въ основѣ этого общества: у

¹ Здат. Беседа 7 на ки. Деян. апост. 2 Тамъ же.

42261-0

върующихъ все было общее, и они жили единодушно. Вотъ какъ описываеть св. Знато сть внутренній строй общества первенствующихъ христіанъ и отношенія членовъ его межлу ... собою. «Отказывались», говорить онъ, «отъ имуществъ и радовались, и велика была радость: потому что пріобретенныя блага были гораздо больше. Никто не поносиль, никто не завидоваль, никто не враждоваль; не было гордости. не было презрънія: всъ какъ дъти принимали наставленія, всъ выли. какъ новорожденные. Но зачёмъ я говорю въ темномъ обравъ? Помните, какъ всъ были скромны, когда Богъ поколебалъ нашъ городъ? Въ такомъ же точно состояни находились тогда они: не было коварныхъ, не было лукавыхъ. Не было холоднаго слова: мое и твое; поэтому была радость при транезф. Никто не думалъ, что фстъ свое; никто не думалъ, что всть чужое, хотя это и нажется загадкою. Не считали чужимъ того, что принадлежало братін. Ни б'єдный не стыдился. ни богатый не гордился: воть что значить — радоваться. И тоть считаль себя облагодытельствованнымь и чувствоваль, что онъ больше пользуется благодъяніями, и эти находили въ томъ свою славу; и всё были крайне привязяны другь къ другу... Кто же людей съ такими чувствами не полюбиль бы, какъ общихъ отцевъ? Никакого зла не замышляли они другъ противъ друга, и все предоставляли благодати Божіей». 1 И они «были любимы и достойны любви». Они имъли, говорить св. еванг. Лука, благодать у вспхх модей (Л'вян. 2, 47).

Быстро росло это общество, — эта юная Церковь Христова, члены которой тёсно связаны были между собою въ духё мира и любви единствомъ мысли, стремленія, цёли и дёйствія. Современные этому обществу люди могли бы смотрёть на него, какъ на одну изъ сектъ іудейскихъ, которыхъ, по свидётельству церковнаго историка Евсевія, тогда было очень много. Но простое ученіе Апостоловъ, дышавшее любовію и неподдёльнымъ чувствомъ состраданія къ человёчеству, — ученіе, которое не разногласило вообще съ ихъ жизнію, а впол-

нъ осуществлялось въ ихъ образъ жизни, -- въ ихъ общительности, единодушій и готовности на всякія самопожертвованія для другихъ, заставляло каждаго переменить объ нихъ мивне и смотреть на нихъ не какъ на какихъ нибудь простыхъ людей. 1 Такъ исполнилось слово Спасителя: о семъ разумпьють вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоан. 13, 35). Ученіе Апостоловъ не поражало какою инбудь новизною, или своею оригинальностію: оно пропов'ьдывало покаяніе и отнущеніе граховъ, - проповадывало братство, любовь другъ къ другу и въру во Христа, какъ пути къ въчной блаженной жизни. Это-то учение въ соединении съ простотою жизни Апостоловъ и привлекало людей въ общество ихъ. Желавшіе спасенія принимали отъ Апостоловъ крещеніе и дёлались вёрующими. Всё они жили «вмёстё, т. е. единодушно, не раздёляясь въ мибніяхъ и действіяхъ» 2,--и имъли посему все общее. Они приносили свои имънія въ ногамъ Апостоловъ «отъ великаго усердія своего» 3, и эти имѣнія поступали на общія издержки; оттого средства къ жизни были у нихъ общія. Такъ устроялось само собою, естественно, общество первенствующихъ христіанъ! Нелюбостяжательность была отличительною чергою въ нхъ жизни. Къ тому же «изъ общества върующихъ было изгнано неравенство». 4 И благодать бъ велія на встях ихх, замічаеть св. писатель. Не бяше бо нишь ни единь во нихь. То есть, «какъ въ дом' родительскомъ», объясняеть св. Здатоусть, «всё сыновья имёють равную часть, въ такомъ положеніи были и они. Ибо недьзя снавать, что они питали другихъ: но они питались своимъ; только удивительно то, что, отказавшись отъ своего, они питались такъ, что, казалось, они питаются не своимъ, а общимъ ⁵.

Таково было устройство жизни первенствующихъ христіанъ по описанію очевидца, евангелиста Луки. Отличительною чертою его было общинное начало, которое впослѣдствіи

¹ Злат. Бес. 7, на кн. Делн. апост.

¹ Злат. Бес. 7, на ки. Дъян. апост. ² Тамъ же. ² Тамъ же. ⁴ Тамъ же. ⁵ Бес. 11, на ки. Дъян. апост.

легло въ основаніе монастырей, устроенныхъ по образцу жизни апостольскаго общества 1. Но это общинное начало, безукоризненное и благодътельное само по себъ, послужило для нъвоторыхъ камнемъ преткновенія. Еще при жизни св. Ацостоловъ являлись личности, которыя хотъли смотръть на эту святую общину иными глазами, — какъ на спекулятивное общество и, снъдаемыя корыстолюбіемъ, стремились извлечь изънего для себя выгоду. Таковыми были, — по изъясненію св. Златоуста, — « святотатцы Ананія и Сапфира». Таковымъ были Симонъ волхвъ, Николай и другіе, которые съ хитрыми мыслями и коварными намъреніями устремлялись въ общество апостольское, желая воспользоваться простотою ихъ нрава и ихъ братскою любовію. Это были еретики, неправильный взглядъ которыхъ и превратное отношеніе къ апостольскому обществу были уличены самими Апостолами.

Но важите для насъ тъ личности, явившілся въ поздньйшее время, которыя, на основании христіанскаго ученія о любви и братскомъ равенствъ, захотъли построить особую систему, съ цёлію соціальныхъ (общественныхъ) преобразованій, по которой бы всё были равны и у всёхъ все было общее, якобы по подобію жизни первенствующихъ христіанъ. Эта система извъстна подъ именемъ коммунизма. Слово коммунизмъ - communaulé - означаетъ общность имуществъ. Отсюда, - какъ система, коммунизмъ есть ученіе о поглошенін частнаго интереса въ интересъ соціальномъ. Коммунисты не признаютъ частной собственности, а проповъдуютъ равноправность или равное участіе въ собственности ближняго, безъ разсужденія, - желаеть ли этого ближній или ніть. Желая провести эту теорію въ жизнь, они выдумали общину (сотmune), въ основъ которой полагають равноправность и братскую любовь, - и, няходя видимое сходство выдуманной ими общины съ образомъ жизни первенствующихъ христіанъ, они съ удовольствіемъ останавливаются на приведенномъ выше разсказъ св. евангелиста Луки о жизни первенствующихъ хри-

стіанъ, указывая на это общество, какъ на образенъ, по которому должно созидаться воммунистическое общество. Цёль у нихъ та, чтобы ссылкою на авторитетъ св. Писанія придать своему ученію большее значеніе. И, нужно сказать, самообольщение коммунистовъ дошло до крайнихъ границъ. Одни изъ нихъ, смешивая свои коммунистическія понятія съ ученіемъ о христіанской любви, необинуясь говорять, что «коммунизмъ есть тоже христіанство» (communauté c'est christia. nisme), — таже христіанская любовь, запов'єданная Христомь; а другіе-болье смыне-поставляють самого Інсуса Христа на первое мъсто въ ряду коммунистовъ. Задача настоящаго труда-показать съ возможною яспостію, что между христіанствомъ или христіанскою любовію и коммунизмомъ ніть п не можеть быть, не смотря на видимое сходство, никакого тожества, а напротивъ есть строгое и ръзкое различіе. Въ виду этого мы сдълаемъ отступленіе и прежде познакомимся въ общихъ, но главныхъ чертахъ съ исторіею и ученіемъ коммунизма.

Начало коммунизма кроется въ глубокой древности. ¹ Ученіе его — впрочемъ безъ того имени, какое онъ нынѣ поситъ, — проявлялось въ древнихъ системахъ философскихъ и еретическихъ. По словамъ св. Іоанна Златоуста, ² еще Платонъ — этотъ «глава философовъ » — въ ученіи своемъ о гражданскомъ обществѣ предлагалъ гнуснѣйшія правила коммунизма. Ибо Платонъ училъ: «пусть будутъ общія жены, пусть будутъ общими отцы, раждающіяся дѣти, общее содержаніе, общее воспитаніе » . . . Мпогіе еретики Апостольскаго вѣка были заражены коммунизмомъ. Они подражали св. общинѣ первенствующихъ христіанъ, стараясь казаться некорыстолюбивыми и, прикрывая именемъ христіанской любви «свои срамныя дѣла », ³ хотѣли внести въ общество вѣрующихъ свои взгляды. Таковы были николаиты, адамиты и многіе другіе. Но здѣсь-то та благодать Божія, которая проявлялась въ Апо-

⁴ Злат. Бес. 11, на кн. Двян. Ап.

¹ Dictionaire des sciences philosophiques-t. VI, pag. 675.

² Бес. 4, на ви. Дѣян. апост. ³ Евсевій.

столахъ и мужахъ апостольскихъ съ такою чудодъйственною силою, невидимо руководила ихъ къ распознанію духа Божія от духа лестиа (1 Іоан. 4, 2), къ обличенію тъхъ, которые от нихъ изыдоша, но не бъща от нихъ (1 Іоан. 2, 19),— тъхъ нечестивцевъ, которые Бога нашего благодать прелагали въ скверну (Іуд. 1, 4).

Но собственно коммунизмъ, съ его именемъ и системою, есть произведение новъйшаго времени.

Родина коммунистовъ по преимуществу Франція. Время появленія и дінтельности ихъ есть время первой и второй французской революціи. Эноха первой революціи была тымь временемъ, когда всякія уродливыя заявленія и дикія мысли принимались во Франціи съ аплодисменомъ. Политическое и религіозно-правственное состояніе государства было самое бідственное: одно правленіе смінялось другимъ; — отъ невірія переходили къ безбожію, — отъ сословной ненависти до кровопролитія къ братской любви и равенству. Не лучше было и соціальное положеніе: расточительность, слабость и безнравственность государственныхъ правителей истощили казну; — обременительные же налоги привели въ совершенное объднъніе (паупериямъ) народъ и произвели пролетаріевълюдей пичего неимущихъ. Капиталъ находился въ рукахъ счастливцевъ, —да аристократовъ. Масса народа страдала; пролетаріатъ росъ. Тф и другіе страшно ненавистными глазами смотръли на аристократовъ — собственниковъ, которые въ угоду страстамъ и прихотямъ своимъ бросали тысячи, а они оставались подъ гнетомъ бъдности, лишеній и страданій. Отчего же счастливы один, и зачёмъ страдають другіе?—слышалось съ одной стороны. Развѣ не всѣ люди равны? -- слышалось съ другой стороны. Одни обладають и каниталомъ, и образованіемъ, и силами, а другіе-ничемъ. Если бы уничтожить неравенство, если бы разрозненныя физическія и духовныя силы отдёльныхъ личностей привести въ гармонію, еслибы между всёми установилось братство и равенство, по подобію первенствующих в христіань: то каждый пользовался

бы равнымъ счастіемъ и довольствомъ. Воть историческія обстоятельства, вызвавшія такъ называемыхъ соціалистовъ, а внослідствій и коммунистовъ. Эти личности, производя агитацію между недовольными, устремились къ соціальному преобразованію, т. е., преобразованію общества на началахъ братскаго равенства, равенства въ разділь земель, равенства въ участій въ труді, въ образованій, обладаній капиталомъ, словомъ—нивеллировкі (уравненію) и матеріальной и умственной.

Первый подаль мысль о соціальной реформ'в чрезь подиятіе рабочаго класса, улучшеніе его быта и возможное уравненіе собственности Сенъ-Симонъ (1760—1826). Но опъ коснулся только рабочаго класса, бъдняковъ и пролетаріевъ, давъ имъ возможность трудиться и имъть обезнечение. Его мысль встръчена была многими съ восторгомъ: поклонники новой иден оформировали его ученіе и даже основали общину, слывшую подъ названіемъ «сенъ-симонистской семьи». ² Главное положеніе сепь-симонистскаго ученія было — «общій трудъ и общій доходъ», который раздёлялся «каждому по его способности, и каждой способности по ея труду». Поэтому сепъ-симонистская семья имёла множество мастерскихъ, въ которой члены ея занимались разными ремеслами и работами: они содержали себя трудами рукъ своихъ... Но когда верховиме распорядители этой семьи, называвниеся «отцами», или «напами», задумали ввести въ нее начало общеженства, по подобію коммуниста Оуэна, —правительство закрыло эту общину... По слъдамъ соціалиста Сенъ-Симона шелъ Фурье (1772-1837), который не удовольствовался улучшеніемь быта неимущаго люда и вообще семьею своего предшественника. Опъ вадумаль произвести реформу во всемъ обществъ, и изобрълъ, какъ онъ самъ выражается, «точнъйшую систему соціальнаго преобравованія». В Фурье жиль въ самое испорченное время французскаго общества и «обладаль въ высшей степени сострада-

¹ Извъстно, что это сопровожданось страшною междоусобною ръзнею пролетаріевъ съ богачами—собственниками,—революцією со всёми ся ужасами. ² «Отечеств. зан. » за 1863 г. з Dictionaire des sciences philosophiques, tom. II.

тельнымъ сердцемъ и увлекательнымъ воображениемъ». 1 Проявленія общественной жизни не могли не казаться ему ложными, — и естественно раждали въ головъ его мысль о реформъ. Выходя изъ той мысли, что счастіе завлючается въ удовлетвореніи природныхъ склонностей человъка какъ къ труду, такъ и въ наслажденію, онъ решиль, что этого можно достигнуть лишь совокупнымъ дъйствіемъ отдъльныхъ личностей. Такимъ образомъ, если уничтожить сословность, уравнять всѣхъ людей и соединить нѣсколько личностей, разныхъ по натуръ, полу и возрасту, -- то составится общая семья, цълью и стремленіемъ которой будетъ общее домохозяйство, общая экономія. Въ этой семь вск будуть равны, объединены между собою общимъ интересомъ, --- всъ будутъ счастливы и довольны. Далье, -- ньсколько семей можно соединить для преслъдованія высшихъ интересовъ и цёлей въ группы, а эти последнія въ высшія корпораціи.... 2

Но эта система, принявъ крайнее направленіе, дошедшее до объединенія, обобщенія и нивеллировки не только физическихъ и умственныхъ силъ отдѣльныхъ личностей, но и до уничтоженія собственности и введенія вполнѣ общиннаго владѣнія имуществомъ чрезъ равный надѣлъ, является уже въ видѣ новой системы — коммунистической, отличающейся отъ соціалистической лишь направленіемъ. Соціализмъ, ратуя за равенство и свободу, не отнимаетъ собственности, — коммунизмъ уничтожаетъ частную собственность и право наслѣдства. По его теоріи во всемъ должно господствовать равенство и равноправность и не должно быть никакой собственности: все должно быть раздѣлено между всѣми, и всѣ должны быть равно богаты, равно обезпечены. Мечтая чрезъ это доставить всѣмъ земное счастіе и благоденствіе, онъ претендуетъ на то, что

въ его (каммунистическомъ) обществъ, подобно обществу первенствующихъ христіанъ, не будетъ ни одного нищаго, — и выдаетъ себя (по однимъ) «за тоже христіанство», (по другимъ)—«за новое христіанство».

Самые замѣчательные изъ прежнихъ коммунистовъ— Бабёфъ и Кабэ, — изъ новѣйшихъ — Луи- Бланъ и въ особенности Прудонъ. Бабёфъ первый передѣлалъ соціалистическую систему въ коммунистическую, хотя не столь широкую, какою она является въ послѣднее время и, считая свои бредни непреложными истинами, задумалъ обратить весь міръ въ коммуну.... Кабэ, увлекшись бреднями Бабёфа и произвольно объясняя основныя начала коммунизма и христіанской любви, сталъ проповѣдывать, что христіанство и коммунизмъ одно и тоже, — что ученіе его о братствѣ, равенствѣ и общности имуществъ не новое, — что 17 вѣковъ тому назадъ оно насаждено самимъ Христомъ......

Но особенно замѣчательно ученіе современнаго намъ коммуниста Прудона. Мы остановимъ вниманіе свее на послѣднемъ выводѣ этого новѣйшаго коммунизма, — выводѣ, на которомъ построено все зданіе коммунистической системы новѣйшаго времени.

Послѣдній выводъ, послѣднее слово софистическихъ теорій права, по представленію права коммунистами, есть слѣдующій парадовсальный афоризмъ остраго діалектика Прудона: «частная собственность есть грабежъ» (la propriété с' est le vol). Въ тоже время этомъ афоризмъ служитъ исходнымъ пунктомъ для построенія дальнѣйшихъ теорій соціальнаго быта человѣчества. Такимъ образомъ полная система коммунизма дѣлится на двѣ части. Сущность первой части: частная собственность есть грабежъ; сущность второй части—какъ практическій выводъ—есть: уничтоженіе всякой частной собственности и въ обширномъ смыслѣ общинное владѣніе всѣми капиталами и продуктами труда частныхъ лицъ. Первая часть есть теорія, взглядъ на частную собственность;—вторая—проектъ соціальнаго быта человѣчества, построенный на основаніи взгляда

⁴ Тамъ же. ² Соотвътственно такой теоріи, Фурье все коммунистическое общество дълить на семьи, группы и корпораціи или серіи, которыя опъ навываеть «фалангами», отводя для помъщенія особое большое зданіе (фаланстеріи): въ немъ можеть находиться до 2,000 человъкъ. Каждая изъ группъ дробится на множество подравдъленій по склопностямъ и способностямъ къ работъ земледъльческой, фабричной и проч.,—къ искусствамъ, наукъ, торговлъ и т. л. Тамъ же.

на частную собственность. Этотъ выводъ изъ парадоксальнаго афоризма,—что всякая собственность есть грабежъ—особенно важенъ для пониманія всего коммунистическаго зданія. Вотъ въ краткихъ, но главныхъ чертахъ сущность его:

Нъсколько отдельных личностей захватили въ свои руки капиталы и продукты труда, и вследствіе этого пользуются удобствами гораздо большими, чёмъ другіе. Вторая большая половина человечества страдаетъ отъ недостатка, не имеетъ средствъ къ удовлетворенію своихъ нуждъ и потребностей и лишена возможности развитія наравив съ другими, -- лишена всего этого незаконно, такъ какъ частная собственность есть грабежъ. Отъ этихъ незакопныхъ продблокъ и насилій ловкихъ обладателей частною собственностію происходить неравенство между людьми, преимущество одного передъ другимъ въ пользованіи удобствами жизни, словомъ-одии (меньшинство) блаженствують, другіе (большинство) страдають. Между тёмь каждый человёкь, равный и равноправный человёку, имёсть полное право наравит съ другими пользоваться встмъ, что доставляетъ ему природа и грудъ. А сказано уже, что такое равночастное владъніе сокровищами de facto не существуетъ, что оно, какъ явление незаконное, само по себъ есть уже зло и источникъ зла въ практической жизни человъчества. Если заковное право требуетъ равнаго владенія сокровищами, если дъйствительная жизнь идеть, вопреки праву, въ разръзъ съ законностію, если это теченіе жизни-зло: то слёдуеть законное право провесть въ формы действительной жизни, устроить эту жизнь не по той незакопной и гибельной для людей марка, по которой создалась и устроилась текущая и действительная жизнь, — слъдуеть пересоздать (reformer) ее по разумному плану законнаго права. Это можеть быть достигнуто посредствомъ равночастнаго или въ полномъ смысле общинного владънія ръшительно встмъ, что доставляеть природа и что извлекаетъ трудъ изъ богатства природы. Единственнымъ и сильнымъ препятствіемъ къ достиженію этой цели, къ осуществленію права на дёлё служить частная собственность. Следовательно для проведенія началь законности въ дъйствительную жизнь, —для уничтоженія вла самаго въ себъ и въ проявленіи его въ жизни человъчества, — для возстановленія попраннаго равенства, —для облегченія бъдствій и достиженія счастія всего человъчества необходимо совершенное уничтоженіе всякой собственности и введеніе въ соціальную жизнь человъчества въ полномъ смыслъ общиннаго и совершенно равночастнаго владънія всёми капиталами и продуктами труда... Вотъ вкратцъ сущность современнаго намъ коммунизма!

Мы не беремся за дальнъйшій подробный критическій разборъ системы коммунизма и не станемъ доказывать несостоятельность ея ни съ точки зрънія логической, —вообще философской, ни съ точки зрънія политико-экономической и практической, т. е., возможности провесть эту систему въ основы дъйствительной жизни человъчества. Такія подробности критическаго анализа всей системы не относятся къ задачъ нашего труда. Мы теперь остановимъ вниманіе на тъхъ пунктахъ, въ которыхъ высказывается кажущееся сходство коммунизма съ христіанствомъ, съ его ученіемъ о любви.

Коммунистическая теорія имбеть своимь основаніемь, какъ видёли, гуманныя идеи, а своею цёлію - осуществленіе этихъ гуманныхъ идей; именно: на основаніи равноправности всего человъчества устроить равномърное пользование всъмъ, что составляеть необходимость, удобство и удовольствіе въ жизни человъческой, - по возможности улучшить состояние всъхъ людей въ настоящей жизни и дать возможность къ равному развитію всёхъ отдёльныхъ личностей. Словомъ, коммунизмъ проистекаеть изъ сочувствія къ бъдствіямъ и страданіямъ человъчества, происходящимъ отъ бъдности.... Христіанская любовь, проновъдуемая Евангеліемъ, горячо сочувствуеть страждущему человъчеству, и стремится улучшить участь его настоящей жизни. Въ Евангеліи встречаются такія места, въ которыхъ плодомъ любви выставляется милосердіе къ бъднымъ, выражаемое возможнымъ улучшениемъ и матеріальнаго быта ихъ: любовь заповъдуетъ алчущаго навормить, жаждущаго

напоить, страннаго принять въ домъ, больнаго посётить; — научаетъ почитать всёхъ безъ различія ближними (Лук. 10, 25—37), и относиться къ нимъ, какъ въ равнимъ себѣ, какъ къ братьямъ. Нелюбостяжательность и раздѣлъ собственности между бѣдными представляется свидѣтельствомъ нравственнаго совершенства (Мате. 19, 21), дошедшаго до степени самоотверженія, а это высшая степень любви: больши сел любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя (Іоан. 15, 13). Излишняя привязанность къ матеріальной собственности, исключительное употребленіе ея для себялюбивыхъ цѣлей — представляется сильнымъ препятствіемъ къ нравственному совершенству и вступленію въ царствіе Божіе: удобпе есть велбуду сквозъ иглинъ ушы проити, неже богату въ царствіе Божсіе внити (Лук. 18, 25).

Сопоставление этихъ и подобныхъ мёсть изъ новаго Завъта съ гуманными идеями коммунизма и приводитъ защитниковъ его въ заключенію, что между христіанскою любовію п коммунизмомъ не только большое сходство, но и тожество, т. е., что «коммунизмъ и христіанская любовь одно и тоже». Трудно представить себъ другой выводъ столь посиътный, какъ этотъ. На томъ основаніи, что христіанство и коммунизмъ проповъдуютъ гуманныя идеи равенства, любви и проч., еще нельзя признать, а тёмъ болёе утверждать мысль, --будто коммунизмъ тоже христіанство. Такъ судить, значить быть слишкомъ бливорукимъ въ сужденіи или слишкомъ пристрастнымъ къ коммуническимъ бреднямъ. Двъ параллельныя линіи, какъ бы ни казалось намъ издали, что онъ могутъ сойтись, -и какъ бы ни были разтягиваемы, -- никогда не сойдутся. Христіанская любовь и коммунизмъ, какъ бы ни казались съ перваго раза сходными, подобно параллельнымъ линіямъ, de jure и de facto не соединимы, не тожественны и даже не сходны; напротивъ, между христіанскою любовію и коммунизмомъ находится много такихъ чертъ, которыя рёзко и существенно отличають одну отъ другаго. Это различие заключается 1.) въ психическомъ источникъ любви и коммунизма, 2.) въ практическомъ приложеніи къ жизни той и другой, и наконецъ 3.) въ конечной цёли христіанской любви и коммунизма.

II.

- 1. психологическій источникъ христіанской любви и коммунизма.
- 1. Христіанская любовь, какъ и вся христіанская религія, принадлежить преимущественно сердцу. Христіанская любовь есть прямое, непосредственное чувство. Вытекая прямо нвъ сердца, она всему сочувствуетъ, во всемъ стремится видъть прекрасное, все возводить въ идеалъ, - словомъ, какъ говорить Апостоль: вся любить, всему въру емлеть, вся уповаеть, вся терпить (1 Кор. 13, 7). Разсчеты холоднаго ума и строгій анализъ на нее не вліяють разрушительно, въ любви заилючается все достоинство разумного существа и святость нравственныхъ его дъйствій, — она есть союзъ совершенства (Колос. 3, 14). Такая природа любви въ человъкъ освящена великимъ событіемъ — искупленіемъ, которое совершилось по любеи Божіей но всему человъческому роду (Іоан. 3, 14). Посему для христіанина наждый челов вкъ отдельно — ближній, и все человъчество семейство ближнихъ, родныхъ: онъ ихъ любить, и для этой любви не существуеть решитетьно никакихъ раздёленій людей по различнымъ классамъ, народностямъ и религіямъ; — къ ней близки: богачъ, бъднякъ, христіанинъ, язычникъ, православный, инов фрецъ, знатный и невнатный. - Она всёхъ обнимаетъ, не замёчая внёшнихъ дёленій человъчества; -- она видитъ въ человъкъ человъка, ближняго, брата, — и больше ничего. 1 Всѣ эти свойства ея вытекають изъ того, что она не принадлежитъ разсудку, разборчивому н все анализирующему, а чувству. Человъкъ видитъ человъка и его симпатія относится къ нему прямо безъ разсужденіястоить ли человъкъ любви, -- и часто эта симпатія или лучше -высшая ея степень-любовь въ широкихъ размърахъ про-

имить Богг показа ни единаго скверка или нечиста плаголати человъка, такъ говорить св. ап. Петръ въ домъ язычника Коривлія — Дъли. 10, 29. У ап. Павла въ посланіи въ колоссянамь 3, 11.

является, действуеть, влечеть человека вопреви всёмъ доводамъ и представленіямъ разсудка. Любятъ, напримъръ, преступника, злодёя, —сожалёють, напримёрь, падшаго, — прощають, напримърь, виновнаго, — и это потому только, что этого непосредственно требуеть сердце; — между тъмъ какъ разсудовъ очень часто возстаетъ, представляя, что такого человъка любить не за что, что всъ права требують его кары... Чувство любви, основанное на разсчетахъ и соображеніяхъ ума, не имъетъ высоко-нравственной цъны. Истина эта засвидътельствована устами человъколюбца Бога: аще мобите мобящыя вы, говоритъ Спаситель, кая вамь благодать есть? ибо и иръшнищы любящыя ихъ любять (Лук. 6, 30). «Что особеннаго мы дёлаемъ», какбы такъ говорить Іисусь Христосъ, «ежели любимъ только друзей и пріятелей нашихъ? Тоже самое дълають и язычники-и гръшницы любящыя их любять,-потому что чувство сердечнаго расположенія къ тому, кто самъ расположенъ къ намъ болъе другихъ, — есть чувство общее . у всѣхъ людей»... Высокая, глубокая любовь имѣетъ свой характеръ, при которомъ немыслимъ разсчетъ, выборъ или принужденіе. Любить по выбору, значить любить до случая. Доводы разсудка часто свлоняють волю не желать любви къ извъстной личности, но любовь въ этомъ случат бываетъ своенравна, непокорлива и беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ разсудкомъ и волей. Навонецъ обратимъ внимание для полноты описанія на то божественное свойство любви, по которому она не исключаетъ и личныхъ враговъ: любите враги вашя, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящым вась, и молитеся за творящих вам напасть и изгонящыя вы (Мате. 5, 44). Между тъмъ какъ разсудокъ въ такихъ обстоятельствахъ требуетъ удовлетворенія тою же монетою — око за око, зубъ за зубъ... Такъ, любовь имфетъ своимъ единственнымъ и исключительнымъ источникомъ сердце.

Посмотримъ теперь, -- какой источникъ коммунизма.

Главнымъ и первымъ поводомъ къ составленію коммунистической теоріи послужилъ или завистливый взглядъ пролетаріевъ на собственниковъ, или же состраданіе людей къ бъднымъ классамъ человъчества. Мы знаемъ уже, при какихъ историческихъ обстоятельствахъ и условіяхъ возникъ и развился коммунизмъ.. 7 Итакъ, если источнымъ началомъ системы коммунизма служило чувство зависти, - то тутъ нечего и говорить о сходств' коммунизма съ христіанскою любовію...... Но предположимъ, что система коммунизма имъла побудительною причиною своего явленія чувство состраданія къ бъднымъ. Если это было и такъ: то только побуждение къ составлению системы коммунивма принадлежить сердцу; сама же она, въ своей сущности и развитіи никакимъ образомъ не можетъ быть отнесена въ нему! Вся система коммунизма отъ начала до конца основана на разсудив: въ основв ея лежить разсчеть, она не обращается въ чувству, а хочеть опираться на правъ. Потому она радикально противоположна чувству всеобъемлющей любви къ ближнимъ. Христіанская любовь относится ко всёмъ одинаково; коммунизмъ относится съ мнимымъ правомъ только къ нткоторымъ, и въ тоже время вредить другимъ: отнимая собственность у однихъ и передавая ее другимъ, онъ противоръчить чувству безусловной справедливости и попираеть право, -- повидимому, опираясь на право. Желая, чтобы человъчество было равноправно въ обладании капиталами и продуктами трудовъ, система коммунизма анализируетъ и критикуеть существующій порядокъ и формы соціальной жизни, считая этотъ порядокъ несостоятельнымъ, и потому хочеть псиравить недостатки соціальнаго быта человічества, возстановить право, возвратить ему законную силу.... Такимъ образомъ вся исторія коммунизма отъ начала до конца есть плодъ одного разсудка, анализа, критики. Вотъ источникъ коммунизма! Коммунисть стремится помочь бедному, нуждающемуся не по требованію сердца, а потому, что считаеть это нужными. Въ любви звучить чувство, симпатія, нічто влекущее; -- въ коммунизмѣ видны развитіе ума, образованность, наука. Сострадательный самарянинъ мыслимъ безъ науки, а коммунисть безъ науки не мыслимъ.

2. практическое приложение учения о христіанской любви и коммунизма къ жизни.

Если перенесемся въ кругъ практической жизни, то увидимъ опять различіе между христіанскою любовію и коммунизмомъ, различіе 1) во взглядѣ любви и коммунизма на собственность и вытекающую отсюда возможность благотворительности, 2) въ естественности чувства любви (ея потребности любить и благотворить) и ненатуральности требованій коммунизма.

1 1) Христіанская любовь положительно нигд'в не запрещаеть имъть собственность, въкакихъ бы то ни было размърахъ, если только эта собственность не отнята у другихъ. Любовь только побуждает дёлить эту собственность между нуждающимися, страждущими, чтобы облегчить участь ихъ. Правда, въ высінемъ своемъ развитіи она доходить до полнаго самоотверженія. Такъ Інсусъ Христосъ совътовалъ юнотъ, чтобы онъ для большаго нравственнаго усовершенствованія продаль имініе свое и раздаль нищимъ. Но онъ только советоваль, а не вменяль ему этого въ непремънную обязанность (Лук. 18, 22); слъдовательно, такое самопожертвование не обязательно для всёхъ. Притомъ, оно совершается совершенно свободно, естественно, безъ внѣшняго побужденія и насилія, по одному внутреннему влеченію сердца: аще хощеши совершент быти..., сказаль Інсусъ Христосъ въ отвътъ своемъ юношъ, дъйствительно стремившемуся къ большему совершенству (Мато. 19, 21). Когда человъкъ глубоко любитъ другихъ людей, и видитъ у нихъ недостатокъ того, чёмъ онъ самъ обладаеть, или въ чемъ у него большее преизобиліе, онь охотно подблится съ ними,мало того-при высшемъ развитіи любви-опъ лишить себя въ удовлетвореніи своихъ потребностей въ пользу удовлетворенія потребностей и нуждъ другихъ. Все это естественно, потому что, поступая такъ, человъкъ дъйствуетъ не по обязательству и не въ силу коммунистическаго принципа равенства, а просто по чувству любви. Возлюбиши ближняю своего, яко сами себе, говорить Божественная любовь (Лук. 10, 27).

1 Коммунизмъ въ силу принципа равенства между членами общества, деспотически вапрещаетъ имъть всякую частную собственность. Если эта собственность у одного имъетъ большіе разміры, у другаго малые, -- или ея вовсе ніть, -- то коммунизмъ требуетъ непремъннаго ея уравновъщенія: общинное и равноправное владеніе всёми капиталами и продуктами труда — вотъ его последнее, неизменное требование! Святая любовь, сочувствуя всему, въ распоряжении имуществомъ не стёсняеть свободы; коммунизмъ вполнё деспотичень: онъ совершенно стъсняеть свободу, хотя приврывается правомъ, даже равноправностію. Тоже право, на которое опираются коммунисты, говорить и въ пользу собственности и свободы въ распоряженін его. Если я больше работаю и, следовательно, добываю продуктовъ для своего продовольствія, и потому въ правъ пользоваться своими пріобрътеніями въ большей пропорціи противъ того, вто мало или ничего не работаетъ: то точно также я въ правъ распоряжаться своею собственностію, какъ мив угодно. Но коммунизмъ решительно стесняеть эту личную свободу, требуя моихъ личныхъ пріобретеній въ распоряжение цълаго общества и не позволяя миъ самому распоряжаться ими... Особенно коммунизмъ нападаетъ на собственность наслёдственную. - И здёсь тоже нарушение свободы и права. Человъкъ вполнъ свободенъ распоряжаться скоею собственностію, -- свободенъ отдать ее обществу, частному лицу или пользоваться ею самъ, не раздёляя ни съ квиъ, -и нажитые имъ капиталы онъ, конечно, свободенъ оставить въ наслъдство сыну, родственнику и проч.; а тотъ, получивъ чужую собственность посредствомъ добровольной отдачи ему, тоже вправъ пользоваться ею, какъ угодно, такъ какъ, въ силу нодарка, она изъ чужой собственности сдёлалась собственностію его. Коммунизмъ-какъ и вездё-и въ этомъ случай рышительный деспоть: онь не даеть человьку ни мальйшаго права распоряжаться продуктами своего труда, какъ ему угодно, а принуждаеть отдавать его въ распоряжение другимъ. Такимъ образомъ коммунизмъ, ратуя во имя права за свободу, отни

мается у человівка одно изъ самыхъ существенныхъ и неотъемлемыхъ его правъ, свободу.

t Merzy тымь христіанская любовь требуеть своего проявленія въ жизни, въ делахъ: аще кто любить Мя, слово Мое соблюдеть, говорить Спаситель (Іоан. 13, 23). Такъ любовь ясно выражаеть себя въ благотворительности, въ милосердіи, которое въ практической жизни выражаетъ себя помощію нуждающимся бъднымъ. Коммунивмъ ръшительно лишаетъ любовь возможности выражаться этимъ осязательнымъ путемъ, - и самъ отрицаетъ всякую возможность благотворительности и милосердія; ибо онъ вводить въ непремінную обязанность раздъленіе своей собственности, - даже сильнье, - онъ не дозволяеть никакой собственности. Все, что имфеть человфиъ, долженъ онъ отдавать не въ силу любви и состраданія, не въ силу нравственной вменяемости благотворенія и общенія, какъ жертву благоугожденія Богу (Евр. 13, 16), а въ силу законнаго, неминуемаго права, - долженъ отдавать потому, что онг не импетъ права не отдавать... Уничтоживъ собственность, коммунизмъ уничтожаетъ и возможность благотворительности. Другой будетъ принимать чужое, не какъ милостыню, не какъ выраженіе любви ближняго, а какъ должное; онъ будеть польвоваться чужимъ, какъ своимъ собственнымъ, во имя того, что «твое — мое». Стало быть, туть нёть и возможности милосердія, кавъ свободнаго распоряженія своими сокровищами по чувству любви и состраданія на пользу ближнимь; — стало быть, нъть и наслажденія, правственной вміняемости употребленія на помощь бъдствующимъ добытаго трудомъ, -- нътъ чувства, жизни, религіи.....

2) Христіанская любовь есть чувство натуральное, врожденное челов'вку, возвышенное, очищенное и облагороженное религіею. Потребность любить есть неотъемлемая принадлежность челов'вческаго духа, какъ потребность мыслить, желать и проч. Челов'вкъ любить себя самого, потому что внутренно сознаетъ нравственное величіе своего разумнаго духа; — челов'вкъ любить окружаюцій его міръ, его красоту, разнообразныя произведенія, потому что самь онъ-одно изъ наидучшихъ его украшеній, и онъ стремится къ обладанію природою; наконецъ человъкъ ощущаетъ потребность любить другихъ, потому что въ нихъ находитъ тоже прирожденное чувство, туже потребность. Правда, случается, что эта потребность заглушается себялюбіемъ. Но это — непормальное состояніе человъческаго духа, это-уродливое развитіе его нравственныхъ силъ, какъ напримъръ, развитіе фантазіи насчеть разсудка... Коммунизмъ же есть плодъ человъческаго ума, есть теорія разсудка. А р'ядкая теорія бываеть такъ удачна, чтобы требованія ея въ приложеніи къ жизни вполнъ соотвътствовали обыденнымъ ея явленіямъ. Требованія коммунизма не только не приложимы къ жизни, но даже противоестественны. Онъ отрицаютъ частную собственность. А непреодолимое и необходимое стремление къ частной собственности есть врожденная принадлежность всего органическаго живущаго міра. Такъ это стремленіе къ собственности съ самыхъ раннихъ поръ замъчается въ ребенкъ: крикомъ и разными движеніями онъ выражаетъ стремленіе имъть извъстную вещь своею собственностію. Но съ развитіемъ онъ уже отличаетъ свою вещь отъ чужой: все, что принадлежитъ ему, онъ называетъ «моимъ», а что не принадлежитъ емучужимъ, «не моимъ». У него, — хотя и безсознательно, — и проявляется уже претензія на право собственности. Не трудно присмотръться, — какъ ребенокъ бываетъ капризенъ, даже волъ, когда лишается чего нибудь, что привыкъ считать и навывать «монмъ». - Далъе, стремление къ собственности замінается и въ мірі существъ неразумныхъ: гді есть жизнь, тамъ есть и стремленіе къ собственности. — Стремленіе къ собственности, въ обширномъ смыслѣ, въ растительной жизни выражается всасываніемъ изъ земли необходимыхъ соковъ, въ жизни животныхъ — въ стремленіи къ обладанію пищею. Въ жизни человъка, требующей не одной организаціи и поддерживанія тёла, но вм'яст'я съ тёмъ удобствъ матеріальной жизни и духовпаго развитія, это стремленіе выражается въ навлонности къ полному обезпеченію, къ обладанію всёми средствами для своего развитія.—Собственность—прирожденпая принадлежность всего органическаго міра: требованія коммунизма—явленіе ненатуральное, а слёдовательно неосуществимое въ практической жизни. Первая усиливаеть энер гію, второе—равслабляеть. Именно:

Любовь пробуждаеть въ деятельности, влечеть къ труду. Какъ прирожденное человъку чувство теплоты и добра, она требуетъ живой деятельности. Человекъ желаетъ выразить свою любовь, дать ей ощутительный исходъ, удовлетворить ея требованіямъ посредствомъ благотворенія ближнимъ. Очевидно, -- онъ долженъ изыскивать средство для удовлетворенія требованій -- милосердія и состраданія. А требованіямъ милосердія или состраданія онъ можеть удовлетворить (кром'є д'влъ милости духовныя) облегченіемъ бідствій несчастныхъ, улучшеніемъ матеріальнаго быта бъдныхъ, пособіемъ неимущимъ. Естественно, что это последнее можно сдёлать посредствомъ раздела между ними своей собственности (трудомъ ли нажитой или доставшейся путемъ наслёдства), --- и чёмъ общирнъе собственность, тъмъ больше можно сдълать добра. Такимъ образомъ это стремленіе любви въ удовлетворенію ея требованія будеть требовать оть челов вка постоянной работы. неутомимой жизни, неусыпнаго труда для пріобр'єтенія собственности. Но никакъ нельзя сказать того же самого о коммунивмъ; напротивъ, если онъ сколько-нибудь осуществимъ, то поведеть въ упадку труда, въ ослабленію деятельности, къ парализаціи силъ. Давая просторъ для дъятельности къ обезпеченію себя, онъ дасть возможность развитію эгоизма; а гдъ эгоизмъ, тамъ иътъ самоотверженной дъятельности для общаго блага, для других... Вообще, канъ бы мы ни представляли безкорыстными единицы, составляющія общество, тъмъ болъе все человъчество, --- все же невозможно не только требовать, но даже представить ихъ самоотверженными, работающими для другихъ, отказывающимися отъ права польвованія и распоряженія продуктами своего труда. Но по тре-

бованію коммунизма, они должны подвергаться этому насильно, противъ воли и безъ малъйшаго внутренняго влеченія. Ла это последнее и не можеть быть при насилін: талантливые работники-или вообще производители-по естественному чувству превосходства духовных силь своих не захотять дёлить съ бездарными или ленивыми поровну добытый ими капиталъ. Все это мало по малу должно повести къ сознанію несправедливости такого порядка, къ лъни и безпечности въ отношеній въ труду и, какъ неминуемому следствію этого, пепроходимой бъдности всего «коммунистическаго человъчества» 1. Даже и въ томъ случав, если бы мы представили все человъчество безкористнымъ, самоотверженнымъ, — коммунистическое общество, основанное на равенствъ, будетъ заключать въ себъ разрушительные элементы. - Допустивъ равенство въ обладаніи продуктами труда, должно допустить равенство и въ самомъ трудъ. Но это нослъднее никакъ не выполнимо. Не всякаго природа оделила силою для физическаго труда, равно не всякій можеть нести всь работы, и не всь работы одинаковы по трудности исполненія; одн'в работы легче, другія — вдвое, втрое и несравненно тяжелье: укатывать шоссе и бить камни для шоссе—двѣ работы далеко разныя... Ясно выходить отсюда, что принципь равенства такою неравностію разрушается. И воть по необходимости нужно было придумывать средства нь уравненію занятій. Бабёфъ и его последователи стали проповедывать, что все члепы общества должны быть машинами въ рукахъ коммунистической власти, которая распредвляеть работы, кому угодно и какъ угодно. Точно также поступали еще сенъ-симонисты, предоставляя верховную распорядительную власть отцу своей семьи-«папв». Новвитие же коммунисты признали систему вознагражденій пропорціонально труду, капиталамъ (внесеннымъ) и талантамъ. Такъ, изъ

⁴ Такъ пала отъ внутренняго раздора и недовольства сепъ-симопистская семья или община; такъ пали и многія другія въ ныпъшнемъ стольтів, устроявшіяся по пачаламъ воммунизма во Франців, по преимуществу въ смутныя время 30-хъ годовъ и революціи—48-го года.—Веберъ Всеобщ. ист. Вын. Х.

общаго капитала, оставшагося оть издержекь на коммуну, они назначають \$/12 работникамь, \$4/12 внесшимь большіе капиталы и \$8/12 выпадаеть на долю талантамь 1. Но это самое дѣленіе и вознагражденіе есть уже стремленіе къ выдѣленію, къ собственности, къ личному лишь обсзпеченію... Христіанская любовь, истинная и святая любовь, безъ всякихъ этихъ ватѣй и хитростей, безъ уравненія всѣхъ по состоянію, почитаетъ величайшимъ зломъ отказать въ помощи брату—христіанину, и исповѣдуетъ, что благотворяй, отъ Бога есть (3 Іоан. 1, 2), а ненависть къ брату (ближнему) считаетъ убійствомт. Всякъ ненавидяй брата своего, человъкоубійца есть (1 Іоан. 3, 15). Но и этого недостаточно: она считаетъ грѣхомъ чѣмъ нибудь соблавнить брата и предпочитаетъ лучше лишить себя въ самомъ необходимомъ, нежели соблазномъ погубить немощнаго (1 Кор. 8, 12—13).

3. Конечная цель христіанской любви и коммунизма.

Наконецъ коммунизмъ и христіанская любовь рѣзко различаются между собою и по своимъ цѣлямъ.

І Коммунизмъ при всей широтъ своихъ стремленій ограничивается рамками — съ одной стороны матеріальнаго быта человъчества, съ другой-временемъ земнаго существованія. Онъ ничего не видитъ дальше этого, -- не идетъ шагу впередь. Основанный на мелочномъ чувствъ эгоизма и зависти, онъ поставляетъ чувственный разгуль и вполнѣ животную жизнь конечною целію человеческого бытія и назначенія. Цёль коммунистовъ —доставить человёчеству земное счастіе. исцелить недугь, которымъ страдаеть общество, - неравное распредъленіе богатства, — съ цэлію равнаго сонаслажденія жизнію. Коммунисты въ этой жизни видять только необходимость жить, — и живуть безь мысли о другой жизни будущей, о ввиности. Поэтому въ области религіи для нихъ чужды загробная жизнь, въчное блаженство, въчное царство славы; Івъ морали они проповъдують чувственное наслажденіе, грубый разврать. Кстати скажемь здёсь: какими путями хо-

тятъ коммунисты ввести въ жизнь выдуманный ими новый порядовъ. Хотя они постоянно и много говорять о мирныхъ путяхъ распространенія своихъ коммунистическихъ возвръ. ній, но это остается ихъ мечтою, лишь благочестивымъ желаніемъ! Ибо убъдить богача — облегчить участь бъднява во имя христіанской любви — это дёло еще возможное; но убъдить богача отказаться отъ имущества, которое пріобретено имъ честнымъ образомъ или же получено по законному праву наследства, и разделить съ человекомъ, который ничего не дълаеть, — это дъло немыслимое. Совнавая такимъ обравомъ трудность распространенія своихъ возэржній путемъ мирныхъ убъжденій, коммунисты прибъгають къ лести и насилію. — Цівль оправдываеть средства! Называя собственность въ глазахъ бъдияковъ пражею, одни объявляютъ войну всъмъ имущимъ; -- льстятъ эгоивму и самолюбію рабочихъ классовъ; -превозносять ихъ заслуги и значеніе; — обольщають чрезъ уравненіе труда и капитала матеріальнымъ обезпеченіемъ, и такимъ образомъ, возбуждая страсти простыхъ людей, возстановляють ихъ противъ общественнаго порядка и государственнаго строя 1. Держась іезуитскаго правила: цёль оправдываетъ средства, эти непризванные благодетели человечества стремились путемъ революціи провести свои теоріи въ жизнь, -мечемъ и огнемъ задумали преобразовать гражданское общество на собственныхъ началахъ и пересоздать и Францію и все человъчество въ коммунистическую общину. Вмъшиваясь въ политическія діла и становясь во главі революціонеровъ, поклонники системы коммунизма забывали гуманность и про-

^{&#}x27; Dictionaire des sciences philos. t. VI, pag. 679.

¹ Вотъ какъ относится къ коммунистамъ историкъ Веберъ: «Подъ разными», говоритъ онъ,—«и притомъ перемвними названіями (друзей народа, общества человъческихъ правъ, временъ года, и накопецъ подъ именемъ общества равнорабочихъ) проповъдывали они въ ръчахъ и журналахъ грубый коммуниямъ, поставъявшій высшимъ естественнымъ закономъ олну вещественность,—требовавшій отмъны собственности, семейства и брачнаго союза, какъ главныхъ преградъ безусловному равенству и братству,—хотъвшій предать гибели цивилизацію и опоры ея—города,—и видъвшій благо человъческаго общества только въ совершенномъ общеніи трудовъ, имуществъ и наслажденій его членовъ».—«Всеобщ. ист.» т. IV.

изводили между собою рёдко гражданть 1. Вообще коммунисты одобряютть и поощряють всякіе кровавые и насильственные способы. Злые враги всёхъ моралистовъ и законодателей, они вооружаются противъ частной собственности, называя ее «грабежемъ», —противъ семьи, отрицая законность и святость брака 2, — противъ личной свободы, — возстають противъ такихъ благъ, «которыя поставлены внё всякаго спора у всёхъ народовъ, вышедшихъ изъ состоянія дикости и варварства.» 3

Не такова христіанская любовь. Ей чужды насильственныя мъры и кровавые перевороты: любы искреннему зла не **творит** (Рим. 13, 10), она все созидает (1 Кор. 8, 1),—она воздаеть Божія Боюви, а кесарева кесареви.—Не такова христіанская дюбовь по цёли своей. Живя и действуя въ видимомъ, она главнымъ образомъ стремится къ невидимому: цъль ея-далено за гробомъ, -- въ Богъ: всякъ любяй, знаетъ Бога (1 Іоан, 4, 7). Она имбеть въ виду высокое правственное развитіе, - уподобленіе по этому развитію человіка, обладающаго любовію, Божеству: будите совершени, якоже и Отець вашь небесный совершент есть (Мате. 5, 48). Аще кто любитт Бога, сей познань бысть от Него (1 Кор. 8, 3). Бого мобы есть, и пребываяй вз любви, вз Бозь пребывает, и Бог вз немз пребываетъ.... Не мобяй, не позна Бога, яко Богъ мобы есть (1 Іоан. 4, 8 и 16).... Простираясь на окружающій мірь, относясь въ другимъ личностямъ, любовь желаетъ имъ не только добра матеріальнаго быта, но главнымъ образомъ добра нравственнаго, правственнаго совершенства. Г Кійждо же васт ближнему да угождает во благое къ созиданію (Рим. 15, 2)! Любовь покрывает множество гръхов (1 Петр. 4, 8). Посявдняя цёль христіанской любви для всёхъ-царство благодати, какъ приготовление къ грядущему царству славы, къ въчному блаженству.

Вотъ параллель между коммунизмомъ и христіансвою любовію! Повидимому сходные между собою, они существенно и ръзко различаются въ самомъ основаніи. Именно:

Любовь есть жизнь сердца, — Божій даръ въ сердцѣ (Рим. 5, 5. 2 Тим. 1, 7); коммунизмъ—теорія разсудка.

Любовь не отрицаеть собственности, требуеть милосердія (1 Кор. 13, 14), она дъло натуральное и ведеть къ энергической дъятельности; коммунизмъ отрицаеть всякую личную собственность, — при немъ не мыслимы дъла милосердія, какъ выраженіе свободнаго чувства любви; онъ—явленіе неестественное по своему требованію, и въ приложеніи къ практи-

⁴ Рыный санколоть (республиканець) Бабёсь быль обвинень въ намфреніи разрушить конституцію 3-го года и быль приговорень (въ 1797 г.) къ смерти... Едва избёгли той-же участи въ севральскую революцію 1848 года коммунисты—революціонеры Луи-Блань и Прудонъ. Они вознамфрились осуществить во время второй оранцузской, извёстной подь именемь севральской революціи, разрушенные планы своего предшественника Бабёса: образовали множество соціалистических и республиканских влубовь съ цёлію низвергнуть имперію и утвердить республику,—и думали видёть въ бывшемь пиператорь сранцузовъ Наполеонь ПІ-мь соціалиста —анархиста, потому и стояли на его сторопь... Но политика Наполеона рушила всё ихъ мечты, а декабрыскій перевороть 1851 года подвергь ихъ суду... И только бъгствомъ въ Англію они спаслись отъ судебнаго преслёдованія.

² Такъ, по ученію Фурье, бракъ въ обществѣ хорошо организованномъ есть нечто иное, какъ свободный порыет любви; - и соотвътственно этому должна быть подная свобода и въ удовлетвореніи, такъ, «чтобы всякій мущина могь пользоваться всеми женщинами, и каждая женщина всеми мущинамир... Нами замечено было, что еще последователи Сенъ-Симона и Оуена не довольствовались общевіемъ имуществъ, но хотьли ввести начало общества, проповъдуя совершенную полигамію (многоженство) и стремясь разрушить семейное начало. Фурье, положившій въ основу своей «Теорів универсальной ассоціаців» вышеприведенное изреченіе, постановиль за правило, что всякій переходящій въ общество (коммуну) долженъ отказаться оть жены своей и своего семейства, которое делестя общимъ достояніемъ... Страстный повлонинкъ этихъ бредней Оувиъ до того развратиль свою коммуну, что правительство вынужденнымъ нашлось---коммуну закрыть, Оувна выслать на другое мёсто жительства подъ строгій надзоръ. — (Веберъ Всем. ист. т. IV). Вотъ какія правственныя стороны этого общества! И оно претендуеть, что устроенная по его системъ жизнь общества есть проповедуемое Христомъ «царствіе Божіе», въ которомъ для всехъ настапетъ жизнь безмятежная, безъ страданій и бёдствій, полная счастія и блаженства земнаго?!. Заморскія иден коммунизма проникли и въ наше общество. Въ началь 60-хъ годовъ Чернышевскій въ романь: «Что делать» описаль картину счастія коммунистическаго общества, построеннаго на началахъ равенства и свободы труда. Его картина есть сволокъ сепь-симонистской семьи за множествомъ мастерскихъ..... Типъ самаго новъйшаго коммуниста, со всеми пошлыми замашками, очерченъ Гончаровымъ, который въ своемъ Маркъ Волоховъ (романъ «Обрывъ») представиль върную и достойную креатуру Чернышевского. Веберъ-т. ІУ.

ческой живни долженъ произвесть парализацію силъ, крайнее разслабленіе ихъ и об'єдн'єніе чолов'єчества.

Любовь имъетъ въ виду блаженную въчность; коммунизмъ--удобство матеріальной жизни на землъ.

Итакъ, напрасно поклонники и творцы коммунистической теоріи обольщають себя и другихь, пропов'ядуя о сходств'я и даже о тожествъ воммунизма съ христіанствомъ и его ученіемъ о любви. — Обобщая гуманные принципы своей теорін съ принципами христівнской любви, они върують, что коммунизмъ есть «самое обширное примъненіе принципа евангельской любви», и въ подтверждение этого ссылаются на книгу Дьяній апостольскихъ, на нъкоторыя выраженія ея и особенно на описанную въ ней евангелистомъ Лукою картину жизни первенствующихъ христіанъ. Они указываютъ, что эта жизнь построена на началахъ равенства, братства, свободы, уничтоженія частной собственности и введенія равночастнаго или общиннаго владенія всёми сокровищами, -- словомъ, на началахъ коммунизма, -- и что она служитъ образцемъ дла ихъ общины. Все это тожество коммунизма съ христіанскою любовію они основывають на сл'єдующих м'єстах вниги Діяній апостольскихъ: вси же впровавшій бяху вкупп, и имяху вся обща: и стяжанія и импнія продаяху, и раздаяху встм, егоже аще кто требоваше... Народу же въровавшему бъ сердие и душа едина и ни единг же что отг импній своихг глаголаше свое быти, но бяху имг вся обща .. Не бяше бо нигиз ни единг вт нихт: елицы бо господіє селомт или домовомт бяху, продающе приношаху цъны продаемых, и полагаху при ногахъ Апостоль: даяшеся же коемужде, егоже аще кто требоваше.... На это мы замътимъ вообще, что у христіанъ апостольскихъ времень, действительно, господствовало братство и-какъ выражается св. Златоустъ-с изъ общества върующихъ было изгнапо неравенство.» 1 Но ихъ равенство и братство не шло въ разръзъ съ законами гражданскими, не нарушало общественныхъ порядковъ и не извращало нравовъ и обычаевъ.

Если христіане противились власти въ исполненіи языческихъ обыкновеній и религіозныхъ обрядовъ, —обличали правителей и царей въ нечестіи, то это не было нарушеніемъ гражданскихъ законовъ, а было дѣломъ совѣсти и призванія... Они старались о преобравованіи общества, но посредствомъ просвѣщенія ученіемъ Христовымъ, а не посредствомъ измѣненій формъ правленія и установленныхъ въ обществѣ порядковъ; — старались тѣснѣе сплотнить между собою общество, не производя въ немъ распрей и междоусобія. Ложно обвиненные въ противленіи власти и разныхъ вымышленныхъ на нихъ злодѣяніяхъ, они териѣливо переносили всякія мученія и даже смерть: они не дѣлали укора мучителямъ своимъ и взглядомъ, не только что словомъ. Такъ свидѣтельствуетъ исторія о христіанахъ первыхъ вѣковъ, ихъ жизни и ихъ отношеніяхъ къ обществу и власти!

Что же касается до приведенныхъ выше мъстъ изъ книги Дъяній апостольскихъ, на которыя такъ часто любять уназывать коммунисты, -- скажемъ, что въ нихъ не заключается той мысли, что Апостолы заставляли или требовали отъ върующихъ отказываться отъ своихъ имуществъ, и не указывается на то, что они стъсняли личную свободу въ распоряжения собственностію. Такого пониманія и здравый смыслъ не можеть допустить. Такъ мы знаемъ изъ Евангелія, что Господь Інсусъ Христосъ заповъдаль оставить домъ, семью, родныхъ, отказаться отъ своего имущества и, продавъ его, раздать нищимъ. Неужели на это должно смотръть такъ, что Онъ здъсь осуждаетъ частную собственность и принуждаеть лишать себя всего во имя права равночастнаго пользованія однихъ собственностію другихъ? - Въдь это не приказаніе, не необходимое требованіе, а заповъдь, — и ею Спаситель предлагаеть только наждому, если онъ желаетъ и ищетъ большаго совершенства, произвольное лишение, щедрую милостыню, - что все можеть быть тольно подъ условіемъ собственности... Продадите импнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себъ сокровище неоскудпемо на небеспал (Лук. 12, 33). Святый евангелисть

⁴ Бесвда 7 на кн. «Двян. апост.»

Лука, описывая жизнь первенствующихъ христіанъ, имёль въ виду нампренно съ большею силою и поразительностію показать высокое совершенство любви, которая объединяла всёхъ върующихъ не только въ мысляхъ и чувствахъ, но и въ дъйствіяхъ на пользу и частныхъ людей и цёлыхъ обществъ. 1 А такая любовь не нарушала пикакихъ правъ и не посягала ни на чью собственность: она располагала (а не принуждала, не насиловала) всякаго къ добровольному пожертвованію и имініемъ и собою на пользу ближнихъ; а потему св. писатель и прибавляетъ: бяху имъ вся обща, т. е., объясняетъ св. Златоустъ, «и радость и несчастіе, нужды и достатки, ученіе и молитва». Значитъ върующіе, по внутреннему влеченію сердца и горячему участію къ нуждаму и немощаму единовірных братій, или какъ выражается св. Златоустъ-сотъ великаго усердія», а пе от скорби, ни от нужды, продавали и стяжанія и имънія свои и разділяли (бієнерісог) со всіми, --егоже кто требоваше. А это вело къ тому, что въ обществъ христіанъ не было нуждающихся—не бяше бо нище (нуждающійся—ėvдейс) ни едина ва ниха... Но какъ ни распространено было между христіанами общеніе иміній и стяжаній, однако право личной или частной собственности оставалось въ обществъ Апостольскомъ неприкосновеннымъ, и свобода — располагать своимъ имуществомъ не только не стъснялась, но и уважалась. Это последнее ясно высказывается въ обличительной речи апостола Петра противъ Ананіи. Обличая Ананію въ обманъ, св. апостолъ Петръ кратко объясняеть ему, что его не принуждали къ пожертвованію, что онъ свободенъ былъ располагать своимъ добромъ и имуществомъ, какъ хотвлъ: сущее тебъ, не твое ли бъ, и проданное не вт твоей ли власти бяше (Дъян. 5, 4)? То есть, изъясняеть св. Златоусть, — «развѣ была какая необходимость и принуждение?-Развѣ мы привлекаем васт на-

сильно?...» «Анапія», продолжаеть Златоусть, «удерживаеть у себя нѣчто отъ цѣны проданнаго поля, поэтому и наказывается, какъ сдълавшій нехорошее и обличенный въ похищеніи своего..... Видишь ли, какъ онъ обвиняется въ томъ, что сдълавъ свои деньги священными, потомъ взялъ ихъ?-Развъ не могъ ты, говоритъ, продавъ (имъпіе), пользоваться имъ, какъ своимъ? Развъ кто препятствовалъ тебъ?.. Мы, говоритъ, не принуждали тебя ни продавать, ни отдавать деньги посль продажи; ты ръшился на это по собственной воль». 1 Вотъ начало, высказанное самимъ Апостоломъ и руководившее общество первенствующихъ христіанъ! Оно есть начало свободы и уваженія къ неприкосновенности частной собственности, и радикально противоположно требованію коммунизма. А посл'єднее требованіе коммунизма, какъ сказано уже, есть уничтоженіе всявой собственности, - требованіе, вытекшее изъ софистическаго изреченія Прудона: la propriété c' est le vol, которое, къ слову сказать, до того очаровываетъ молодое поколеніе, что оно въ опьянъніи отъ него считаеть его «божественною истиною, обходящею весь міръ!..» 2 Такимъ образомъ, та община, въ которой не уничтожаются права собственности, въ которой каждый участвуетъ своимъ добромъ, т. е. имуществомъ, на столько, на сколько имъетъ произволение сердца, - повторяемъ, -- такая община никакъ не можетъ служить образцемъ для коммупистической общины, въ которой все совершается либо по требованію сухаго права, либо по разсчетамъ разсудка съ полнымъ попраніемъ и собственности и свободы въ распоряженіи собственностію.

А. Родосскій.

¹ Такъ, когда въ Герусалимъ былъ великій голодъ (при Клавдів кесаръ), то антіохійскіе христіане-по елику кто импяше что, изволища кійждо ихъ па службу послати живущым во Гудеи братіям: еже и сотворина, пославние къ старцемъ рукою Варнавлею и Савлею (Деян. 11, 27-30).

[·] Бес. 12, на кн. Дѣян. аност.

з «Обрывъ», романъ Гончарова.—«Въстникъ Евроны» за 1869 г.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, ноября 18 дня 1870 года.

Печатано въ тинографіи духовнаго журнала «Странникъ», на Екатерининской улиць, близь Смольнаго монастыря, въ д. Экгардта № 60-3.